

М. А. ЛАППО

(Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия)

УДК 821.161.1-6(Пропп В. Я.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,449

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЭПИСТОЛЯРИИ В. Я. ПРОППА

Аннотация. В статье анализируются приемы и функции языковой игры в дружеской переписке. Материалом для исследования явились письма известного филолога В. Я. Проппа к его другу В. С. Шабунину. Анализ показал, что языковая игра в них создается путем использования стилистически возвышенной и устаревшей лексики, устаревших грамматических форм, а также самоиронии. Данные языковые средства концентрируются в обращениях, подписях и фрагментах текста, в которых идет речь о предстоящей встрече, т. е. либо в приглашении, либо в сообщении о своем приходе в гости.

Ключевые слова: языковая игра, дружеское письмо, этикетная рамка письма, устаревшая лексика, стилистически возвышенная лексика, В. Я. Пропп.

Феномен языковой игры, определяемой Н. В. Данилевской как «тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка», целью которого является формирование «экспрессивного значения и способности вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Данилевская 2006: 657], был исследован преимущественно на материале художественного текста, детской речи, рекламы [Санников 2002, Гридина 2013 (а), Гридина 2013 (б) и др.]. Проблема специфики языковых средств и функций языковой игры в эпистолярном тексте намечена в работах Н. И. Белуновой, О. П. Фесенко, Т. В. Кыштымовой, И. А. Герасименко, Н. В. Ланге и др. Исследователями была описана языковая игра в письмах А. С. Пушкина [Ланге 2009], дружеском эпистолярном дискурсе первой трети XIX века [Фесенко 2009], письмах творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. [Белунова 2000], А.П. Чехова [Кыштымова 2008, Герасименко 2017], Ю. М. Лотмана [Парсамова

2004]. Цель данной статьи заключается не только в анализе ранее не исследованного материала, но и в том, чтобы сделать некоторые предварительные обобщения относительно роли языковой игры в дружеском письме с учетом особенностей языковой личности автора, определить структурные элементы письма, в которых скапливаются игры (термин Т. А. Гридиной)³².

Материалом данной статьи являются письма В. Я. Проппа к другу В. С. Шабунину, до сих пор не становившиеся объектом лингвистического изучения. В. С. Шабунин пишет: «Был у меня в юности друг – Воля Пропп. Не могу припомнить, кто нас познакомил и когда именно. Думаю, что это было году в 1916-м. Он был скромный молодой человек тремя годами старше меня. Все силы его, все интересы были обращены к жизни внутренней – умственной, духовной. Мы с ним быстро сошлись, стали встречаться, вместе читали сочинения философского характера, обсуждали их. <...> Бывал у нас в Лесном, и мы бывали у него. Помню, что он у нас о Лесном читал в узком кругу “Двенадцать” Блока, и мы спорили о том, каково же отношение Блока к революции» [Шабунин 2002: 173–174].

Как указывает А. М. Мартынова в комментарии к публикации, переписка охватывает период 17-ти лет, с 1953 по 1970 гг. Всего сохранилось 182 письма Владимира Яковлевича, точнее говоря, перепечатки писем, выполненные В. С. Шабуниним с некоторыми незначительными купюрами [Переписка с В. С. Шабуниним 2002: 288]. Адресат так объясняет причину сдачи этих копий в архив Проппа: «Что побудило меня извлечь эти письма из их хранилищ, снова вчитаться в них, перепечатать, соединить вместе? – Причина в извечном человеческом стремлении удержать дорогие нам мгновенья, не дать им исчезнуть в потоке времени, а то, что ушло, минуло, – воссоздать в

³² Данный термин введен Т.А. Гридиной как обозначение «результата языковой игры, связанного с ассоциативной обработкой языковых единиц, преднамеренно деавтоматизирующей стереотипы их порождения, употребления и восприятия» (см.: Т. А. Гридина. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). Диссертация на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. – М., 1996).

доступной мере силой своей памяти и воображения, своего сознания и чувства» [Шабунин 2002: 160]. Насыщенность переписки/сохранившихся писем варьируется: иногда перерывы достигают нескольких месяцев, а в период пребывания на теплоходе «Циолковский» летом 1962 года, когда В. Я. Пропп попал на речной круиз по северным рекам, он написал другу 9 писем за 13 дней.

Для В. Я. Проппа в переписке оказывается сверхзначимой фигура друга, его принятие, поддержание контакта с ним. Обязательным элементом этих писем является выражение дружеских чувств, уважения, заботы. Автор сравнивает написание писем к другу с изюмом в рисовой каше:

*Когда детям дают рисовую кашу с изюмом, то одни сперва выковыривают изюм, потом едят кашу, а другие сперва едят кашу, а изюминки оставляют напоследок. Я принадлежу к первым. Мне сегодня надо написать 8 писем; **изюм** – **письмо к Тебе**, с него я начинаю, каша – это все остальное (7.IV.63).*

Отправным моментом в нашем анализе писем В. Я. Проппа является идея О. П. Фесенко о том, что «эпистолярный дискурс представляет собой “игру” в обычный бытовой диалог, моделирование устной речи. Поэтому часто текст письма строится по принципу “вопросно-ответный шаг”. Автор сам задает себе вопросы и сам на них отвечает» [Фесенко 2009: 12]. Особенно заметной эта игра в «спонтанность», как указывает автор, становится в случае сохранения черновиков писем, а маркерами спонтанности являются политематичность, использование специальных синтаксических конструкций, таких как инверсия, эллипсис, пропуск сказуемого, а также нарушение норм конвенциональности посредством нарушения этикетной рамки [там же]. Безусловно, общие свойства устного разговорного синтаксиса характеризуют и письма В. Я. Проппа. Однако наиболее ярким признаком его писем является другой вариант игры с конвенциональностью, который противоположен описанному О. П. Фесенко: В. Я. Пропп не только сохраняет этикетную рамку, но и делает ее более выразительной. Рассмотрим эти способы.

В письмах В. Я. Проппа признак спонтанности соединяется с усилением этикетной рамки: так, набирая свои письма к другу

на печатной машинке, он неоднократно извиняется перед адресатом за опечатки и исправления. Необычной чертой переписки с В. С. Шабуниным является написание слова *Ты* с прописной буквы, что подчеркивает ценность адресата для пишущего, например:

Дорогой друг, Ты не будь на меня в обиде, что я так долго Тебе не отвечал (20.X.54).

На наш взгляд, написание слова *Ты* с прописной буквы является средством создания «своего мира». Ср. с описанной В. Я. Парсамовой ориентацией на устную речь в письмах пушкинской эпохи, определяющей «особые формы письменной речи, в которой общность апперцепционной базы позволяет адресату понять смысл письма по намекам, недосказанностям. Таким образом создается возможность использования языковых средств, очерчивающих “свой”, непонятный и закрытый для “чужих” мир. Этой цели служит особая лексика: дружеские прозвища, грубоватые выражения. Дружеская близость корреспондентов делает возможной и продуктивной языковую игру, широко используемую в дружеском письме» [Парсамова 2007: 113]. В письмах В. Я. Проппа полностью отсутствуют грубоватые выражения, дружеские прозвища в узком понимании этого термина. Наоборот, обращения к другу всегда теплые и торжественные, например:

Дорогой мой! Дорогой Витя! Дорогой мой Витя! Дорогой друг! Дорогой мой друг!

В следующем примере теплое и шутовское обращение сразу употребляется в зачине, в данном случае являющимся объяснением повода для написания:

Соседушка мой свет, здравствуй! Не удивляйся. Да, мы соседи; т. е. не сейчас, а может быть в недалеком будущем. Во вторник вечером ко мне является курьер с известием, что мне дают квартиру и что мне срочно надо дать ответ (18.V.60).

Типичной подписью в письмах к В. С. Шабунину является использование дружеской формы своего имени:

Твой Воля. Любящий Тебя Воля. Твой друг В. Пропп. Твой друг Воля. Воля. Твой счастливый Воля [последнее – из письма на теплоходе, в круизе. – М. Л.]

Обязательным выходом из текста письма являются приветы семье друга:

Обнимаю Тебя, всему Твоему семейству низжайший поклон. Жду письма, а вскоре за ним и Тебя (11.VIII.62); Ты читаешь мои письма Евдокии Ивановне? Пожалуйста, читай и передай ей мое уважение (Репино, 3.VIII.65).

Все указанные речевые средства отвечают типичным задачам дружеской коммуникации, а именно: а) поддержание контакта, б) выражение теплых чувств к адресату.

Поскольку телефонная связь у друзей практически отсутствовала и письма были единственным надежным способом контакта, они содержат практически все речевые жанры дружеского общения: приглашение (фрагменты 1, 2), извещение о своем приходе (фрагменты 3, 4), сожаление (фрагмент 5), извинение (фрагменты 6, 7), переживание о здоровье адресата (фрагменты 8, 9), благодарность (фрагменты 10, 11), поздравление (фрагменты 12, 13):

(1) Держи свободным 1-е мая. В этот день мы будем ждать Тебя с Евдокией Ивановной. Мне исполнится 60 лет, а жене 50 (15.IV.55);

(2) Мне очень хочется Тебя повидать. Я теперь совсем свободен, переделку книга кончил полностью. Если можешь, приходи к нам с Евдокией Ивановной в воскресенье вечером. Мы были бы очень рады. Я скучаю о Тебе (17.III.54);

(3) Я приду к Тебе в воскресенье 20.XI между 7 и 8 часами (9.XI.55);

*4) **Анонсирую Тебя**, что я буду у Тебя в пятницу 27 января примерно в 11.30 (в зависимости от транспорта), **бритым, при галстуке и вполне трезвым**. Позу предоставляю полностью Тебе (Январь 1956);*

(5) Теперь могу Тебе окончательно сказать, что в Новгород ехать нам не придется. Когда после спада воды пошли в дом матери нашей предполагаемой хозяйки, то оказалось, что он сильно пострадал и жить в нем пока нельзя. Все мокрое, набухло и не закрывается и пр. Требуется длительная просушка, а затем ремонт. Это очень жаль, т. к. я сейчас устал и был бы в настроении ехать и освежиться (11.VI.55);

(6) Чувствую и знаю, что Ты на меня сердит, но Ты, дорогой,

не сердись! Надул я Тебя потому, что ошибся в расчетах: зубной врач отпустил меня не в 10.30, как я рассчитывал, а в 12.20. Ехать к Тебе с проспекта Римского-Корсакова с пересадкой уже не имело смысла (23.II.56);

(7) Ты меня не забываешь и пишешь мне, я тоже Тебя не забываю, но не пишу. Причина же этого в том, что я опять пребываю в состоянии самой крайней напряженности и спешки (14.VII.61);

(8) Я за Тебя в большой тревоге. Все ли у Тебя благополучно? Напиши мне, пожалуйста. В последний раз Ты дышал плохо. Я боюсь зайти к Тебе, чтобы не прийти некстати. Напиши мне о своем состоянии (15.IV.55);

(9) Дорогой мой Витя! Третьего дня, придя к Тебе поздно вечером, чтобы хотя бы узнать, как Ты себя чувствуешь, узнал, что Тебя увезли в больницу. Я желаю Тебе, милый мой, чтобы Ты там скорее поправился. Тебе без Евдокии Ивановны будет хуже, но Ты будешь под неослабным медицинским надзором, чего дома Ты не имеешь (5.X.62);

(10) Дорогой Витя! Спасибо Тебе за яблоков, Ты мне их будто подарил. И Заманиловке они целыми стайками перепархивали у обочин дорог и садились на кусты и травы. Я их очень люблю (25.II.63);

(11) Приехав с дачи, я несказанно обрадовался, увидев от Тебя письмо, и еще больше обрадовался, когда прочитал его. Спасибо Тебе за Твое ласковое, доброе, гостеприимное предложение побывать в Тарусе. Мне это и самому кажется очень заманчивым, и я играл с этой мыслью. Но придется отложить (25.VII.61);

*(12) Дорогой мой Витя! **Последний раз я пишу: 1954.** Поздравляю Тебя и Евдокию Ивановну с Новым Годом! Желаю Тебе только одного: чтобы Ты в этом году освободился и мог бы предаться своему любимому делу, к которому Тебя ведут и склонность, и талант. Успехи придут сами. Только бы здоровье не подкачало (31.XII.1954);*

(13) От души Тебя поздравляю и обнимаю и желаю, чтобы в этом новом доме Ты был счастлив полностью (12.IV.60).

Фрагменты 4, 12 демонстрирует склонность В. Я. Проппа к шутке, к языковой игре, выраженной, в частности, в выспренных

фразах, устаревшей лексической сочетаемости и устаревших грамматических формах (*анонсирую тебя*³³) и самоиронии (*бритым, при галстуже и вполне трезвым*). Автор поздравляет В. С. Шабунина с самыми разнообразными праздниками и событиями, среди поздравлений есть и нетривиальные (*Последний раз я пишу: 1954*). В следующем примере языковая игра построена на использовании в упоминании адресата не традиционной формы 2 лица, а формы 3 лица, что усиливается их столкновением:

Дорогой Витя! Я начал вести рассеянный образ жизни. В воскресенье я в театре («Дон Жуан» Моцарта), в понедельник у меня студенты из экспедиции, во вторник я у Муси, в среду думаю быть у Шабунина. Если он будет возражать, скажи ему, чтобы он написал или позвонил, и уверь его в моих дружеских чувствах. Твой В. (4 .IX.65).

Языковая игра свидетельствует о хорошем самочувствии и настроении Владимира Яковлевича, часто это бывало с ним в поездках, например:

(Вильнюс, гостин. Неринга, комн. 10). Тройственному согласию на ул. Ленсовета привет из прелестного Вильнюса. Живу в великолепной гостинице, питаюсь изысканно и доброкачественно, неприятно только, что приходится кроме этого еще и заседать. Но можно и не слушать.

Ваш Владимир Яковлевич.

Дядя Воля.

Воля.

(10.X.63)

³³ На то, что это была устаревшая форма и для В. Я. Проппа, указывают данные Национального корпуса русского языка, в котором найдено лишь одно подобное употребление: *Будучи субъектом индивидуальным, я не хочу тебя игнорировать и потому анонсирую тебе об этом* (Н. А. Лейкин. Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова, 1874). См. также «Исторический словарь галлицизмов» Н. И. Епишкина: «*Анонсировать*. 2. устар. Сообщать о приходе кого-л. Ну, сударь, вчера был я у Мамонова и весьма длинную имел конференцию, в продолжение коей были основательные суждения, но много вздору. Сперва был я у Сандрата, который меня анонсировал. 1827. А. Я. Булгаков» (<https://gallicismes.academic.ru/>).

В этом письме обращение к трем людям из семьи В. С. Шабунина сопровождается и тройной подписью в соответствии с тем, как они обращаются к нему.

Другой причиной шутки, языковой игры может стать неординарность ситуации приглашения на семейный концерт:

Анонс
В четверг, 20 февраля
состоится
концерт
в доме Шабуниных, ул. Ленсовета 31, кв. 6
Программа
I отделение
Моцарт. Рондо из сонаты ля мажор.
Хачатурян. Вальс к драме Лермонтова «Маскарад».
Исполняет пианистка Татьяна Шабунина.
Антракт 10 минут.
II отделение
Бетховен. Рондо до минор из сонаты соч. 13
Шуман. Маленькая пьеса.
Шуман. Листок из альбома.
*Исполняет **пьянист** Владимир Пропп.*
После концерта непринужденная
встреча артистов
со слушателями
Начало концерта в 7 ч. 30 мин. Опоздавшие в залo допуска-
ются (16.11.64).

В данном случае, как мы видим, приглашение на концерт оформлено в виде программки (с выравниванием текста посередине); используемые устаревшие слова, точнее говоря, фонетические или грамматические варианты *пьянист*, *залo* призваны одновременно и создать некую торжественность, и снять пафос, повеселить адресата. Лексему *пьянист* можно отнести к приему «речевой маски как способу игровой самоидентификации» [Гридина 2013(б): 85].

Метафоры как проявление языковой игры в письмах В. Я. Проппа призваны одновременно выразить и сгладить некоторые сильные эмоции:

Наконец! Дорогой мой Витя, если б Ты знал, как у меня о Те-

*бе изныла душа! Картины перед моим воображением проходили такие: в Тарусу Ты поехал один, заболел и валяешься бог знает где. В Тарусе Ты ничего не нашел и теперь Ты скитаешься по разным местам. Ты на меня обиделся за то, что в последний раз, когда Ты был у меня, я все молчал и молчал. А молчал я потому, что мне было совсем худо. Одного только я не придумал, а именно, что Твоя открытка затерялась и до меня не дошла. Теперь все в порядке! Слава богу, с Тобой ничего не случилось. Ты жив и здоров и даже живописуешь. **В душе у меня сразу запели разные птицы** (11.VII.67).*

В данном фрагменте описывается тревога в связи с тем, что адресант долгое время не получал писем от друга, а метафоры *изныла душа, в душе у меня сразу запели разные птицы* выражают радость от пришедшего письма и скрывают смущение автора. На языковую шутку здесь указывает слово *разные (птицы)*.

Итак, в письмах В. Я. Проппа к В. С. Шабунину встречаются следующие средства и приемы языковой игры: устаревшие и стилистические возвышенные слова, грамматические формы, стилизованные под старину выражения, обращение *Ты* с прописной буквы, а также самоирония. Обращает на себя внимание тот факт, что автор использует приемы языковой игры довольно редко, не злоупотребляет ими, не бравивирует своими филологическими познаниями и умениями. По классификации языковых личностей Т. А. Гридиной [2013б], В. Я. Проппа можно отнести к игрокам-стилизаторам: используя всерьез или пародируя некоторые элементы куртуазной коммуникации, он не нарушает нормы конвенциональности и не нагружает адресата сложными для идентификации смысла речевыми конструкциями.

Все использованные В. Я. Проппом средства и приемы языковой игры призваны усилить этикетную рамку письма, поскольку они сконцентрированы в начале и конце текста (в обращениях, подписях), а также во фрагментах текста, в которых идет речь о предстоящей встрече (либо в приглашении, либо в сообщении о своем приходе в гости). Эти выводы сопрягаются с описанной в лингвистике яркой ономастической игрой в обращениях и самопрезентациях в письмах А. П. Чехова к брату [Кыштымова 2008]. Данные наблюдения позволяют по-новому посмотреть на жанр дружеского письма: акцентирование вни-

мания на входе и выходе из текста маркируют письмо – само по себе и как договор о предстоящей встрече – как некое вторжение в личное пространство друга. Приемы языковой игры смягчают насильственный характер этого вторжения, нарушения границ личности. Подобное явление можно увидеть не только в эпистолярной элитарной языковой личности. Вспомним, например, известную концовку дружеского письма в народной и детской культуре *Жду ответа, как соловей лета!*, которая одновременно и выражает сильное желание получить ответ, и снимает коммуникативную напряженность шуточным сравнением.

ЛИТЕРАТУРА

Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2000.

Герасименко И. А. Когнитивный контекст эпистолярного дискурса А. Чехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 2 (68). № 4.

Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учеб. пособие. – М., 2013 (а).

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. – 3-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2013 (б).

Данилевская Н. В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2006.

Кыштымова Т. В. Ономастическая игра в письмах А. П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 60.

Ланге Н. В. Приёмы языковой игры в эпистолярном дискурсе А. С. Пушкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. № 3.

Парсамова В. Я. Эпистолярный языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. № 9.

Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных

текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.

Переписка с В. С. Шабуниним // Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. – СПб., 2002.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002.

Фесенко О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2009.

Шабунин В. С. Вместо предисловия // Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. – СПб., 2002.

©Ланно М. А., 2018